

ПРОСТРАНСТВО КАК ГОРИЗОНТ «РЕАЛЬНОГО»: ОТ ОНТОЛОГИИ СОЗНАНИЯ ДЖ. СЕРЛЯ К ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Л. Г. Пугачева,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социально-философских наук
Московского государственного института культуры;*

В. Д. Козловский,

*кандидат культурологии,
член Международного художественного фонда,
старший преподаватель кафедры дизайна
Московского государственного института культуры*

Преимущество философского познания XXI в. состоит в открытости познающего сознания любой эпистемологической возможности, в частности структурам знания, принципиально отличным от тех, которые присущи европейской рациональности, выросшей на логоцентрической базе античного и средневековых миров, куда необходимо отнести и все виды ее саморефлексии, например критику и скептицизм XX в.

В свете этого замечания встреча в августе 2017 г. группы российских ученых с Далай-ламой XIV [3] по проблеме сознания носит знаковый характер: таким образом проявляется потребность в новой, имеющей творческий потенциал концепции сознания. Эта встреча сама по себе реализует по законам рекурсии фундаментальное свойство сознания – быть открытым местом, пространством спонтанного самовыражения мысли, чувства и творческого материального действия в коммуникативном процессе. «Западное» мышление, задающее вопрос «восточному», обнаруживает готовность вступить в новую для себя область, что становится возможным благодаря некоторым исследовательским тенденциям современной философской мысли. Чтобы показать это, во-первых, обратимся к вкладу в этот процесс Дж. Серля, отвергающего картезианский дуализм, редукцию семантики (собственно мышления) к синтаксису, а также к главному, на наш взгляд, его достижению – утверждению реальности внутреннего опыта, онтологии «я» – от первого лица. Последнее показывает степень открытости со-

временного научного исследовательского сознания, до сих пор мыслившего в категориях коллективного опыта.

Открытие Дж. Серлем несводимости индивидуального опыта сознания в качестве особенной реальности вписывается в контекст понимания сознания в восточной, например буддистской, философии, опирающейся в сфере концептуальных объяснений, в частности, на идею и образ внутреннего пространства, сопоставимого с онтологией от первого лица Дж. Серля (заметим, что практикующие маха- и ану-йогу буддисты говорят о сознании, как о «пространстве» и «осознании»).

Таким образом, основная функция сознания в его внутреннем измерении (как непрерывного континуума бытия-сознания, М. К. Мамардашвили) – быть местом проявлений как внутреннего, так и внешнего, так сказать вещественного, материального, плана, что ни в коей мере не означает дуализма, но достаточно близко подходит к феноменологической установке гуссерлевской философии.

Характерной особенностью объяснений некоторых буддистских авторов является отсутствие дуалистической установки в исследовании сознания и мира, как и в целом квантитативизма, при естественном переживании качественного разнообразия единой реальности в живом процессе мышления. При этом вопрос о том, кто или что является субъектом мышления, может быть поставлен только условно, как если бы мы захотели увековечить мгновение опыта в целях укрепления эго – путем создания, например, внешнего инструмента самотворения. «В самой глубокой основе существует просто открытое пространство... то, чем мы действительно являемся <...>. Мы весьма просты и фундаментальны. <...> Здесь будет налицо некоторое чувство энергии, ее игры между небом и землей... Затем эта игра странным образом прерывается, и внезапно появляется кто-то, замечающий все происходящее, – как будто одна из песчинок вытянула шею и начала оглядываться. Мы и являемся этой песчинкой, которая приходит к выводу о своем отдельном существовании. <...> мы начинаем тянуться к «другому», ... этим мы как бы успокаиваем себя, подтверждая свое существование: “Если я могу чувствовать то, что находится там, значит, я должен существовать здесь”» [4]. В результате описанной эпистемологической процедуры возни-

кает «реальное» – «замороженное» пространство, наполненное объектами – внутренними переживаниями и внешними феноменами разного типа, в частности произведениями материальной культуры (изобразительного искусства) или архитектурными формами. Таким образом внутреннее пространство, качество открытости сознания, путем объективации порождает хабитус современного человека и все его материально-культурное наполнение. Его монументальным выражением, например, является средовой дизайн и, в частности, города как основа известного нам культурно-исторического мира.

В этом новом поле отчужденного опыта пространство по-прежнему остается его субъектом, являющимся одновременно и горизонтом, и участником коммуникации, хотя это может оставаться неочевидным для людей – участников реального взаимодействия.

Пространство в качестве событийного горизонта проявляет сопряженные качества: открывать и ограничивать, осуществляться в полной свободе и детерминировать свои феномены и своих обитателей – мыслящих существ – мыслящих, в частности, категориями самого пространства.

Пространство через свои овеществленные, материальные феномены творит/воспроизводит реальный – социальный мир непрерывно, детерминируя трансцендентное, ментальное (духовное) и обыденное (вещное, предметное) в коммуникации с восприятием человеческой массы. Социальный мир как мир иерархизированных феноменов плавно эманурует из божественного измерения храмов и храмовых комплексов, сакральных мест и артефактов (например, скульптуры, предметов культа) в космический – вещественный универсум человеческих ценностей: повседневной жизни, отношений принятия и отторжения, войны и мира, рождения и смерти – всего многообразия, вплоть до обыденного похода на рынок. Все эти ценности и феномены внутреннего измерения сознания, а также отчужденная обыденная жизнь находят воплощение в средовом дизайне и архитектуре городов.

Таким образом, само пространство, являясь продуктом социальных взаимодействий (заказчика, художника-проектировщика, производителя и потребителя-обывателя), одновременно является производителем такого тонкого продукта, как

культура и культурный человек. Например, городской парк воплощает идею ценности природы и внутреннее состояние умиротворения посреди городской суеты, а сад камней (дзен буддизм) обращает человека (в глубинах сознания) к трансцендентному измерению пространства.

Согласно идеям А. Лефевра («Производство пространства») [1] и Г. Башляра («Поэтика пространства») [2], пространство, так же как и человек, есть полноправный участник социальных взаимоотношений. Сначала люди в своем сознании создают его, а потом оно начинает создавать умонастроение, понимание и отношения между людьми. Подобно тому, как внутреннее пространство сознания порождает городскую среду обитания – овеществленное в камне мышление, так материальное пространство города определяет человека и задает социальное пространство (примером связи внутреннего пространства сознания и внешнего архитектурного пространства может служить образ города, построенного на болоте, Ф. М. Достоевского в романе «Преступление и наказание»; болезненное сознание Раскольникова автор описывает как проявление на духовном плане характерных особенностей средового дизайна Санкт-Петербурга).

Для художественных практиков (архитекторов, дизайнеров – урбанистов-проектировщиков городской среды), в свою очередь, важно просчитывать, что будет с проектируемым сегодня пространством через 10–15 или даже 100–200 лет и как оно будет влиять на людей в отдаленном будущем, какого рода человека конструировать своими воздействиями. Таким образом пространство в качестве предельного горизонта сознания, напрямую сопряженного с вещественным, материальным, телесным аспектом жизни и с необходимостью, должно быть ясно осознаваемым и свободным от предвзятости инструментом развития культуры и человека.

Свободная игра сознания во внутреннем пространстве «я» человека может быть поддержана условиями во внешнем мире – через дизайнерские решения и осознанность связи внутреннего («субъективное» пространство сознания) и внешнего («объективное» социальное пространство, в том числе овеществленное в объектах материальной культуры) аспектов единой реальности.

1. Башляр, Г. Избранное: Поэтика пространства / Г. Башляр ; пер. с фр. – М. : Рос. полит. энцикл., 2004.

2. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр ; пер. с фр. – М. : Strelka Press, 2015.

3. Российские ученые заговорили с Далай-ламой о новой теории сознания [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа : <https://ria.ru/religion/20170808/1499940410.html>. – Дата доступа : 26.01.2018.

4. Чогьям Трунгпа Ринпоче. Преодоление духовного материализма : в 15 ч. [Электронный ресурс] / Чогьям Трунгпа Ринпоче. – Киев : София, 1993. – Часть 9: Развитие Эго. – Режим доступа : http://www.spiritual.ru/lib/lindex_dmat.html. – Дата доступа : 26.01.2018.

АСАБЛІВАСЦІ БЫТАВАННЯ ПАСХАЛЬНАЙ ТРАДЫЦЫІ Ў БЕЛАРУСІ

В. І. Раманенкава,

кандыдат мастацтвазнаўства,

выкладчык кафедры беларускай народна-песеннай творчасці

Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў

Да бытавой пасхальнай традыцыі адносяцца фальклорныя абрады (напрыклад, валачобны) і звычаі (гульні з велікоднымі яйкамі, біццё вербай і інш.), аб'яднаныя агульнай пасхальнай ідэяй, сюжэтам, зместам.

Бытавыя традыцыі святкавання Уваскрасення Хрыста, ці, як кажуць у народзе, Вялікадня (Вялікання, Вельканоцы, Пасхі), на Беларусі маюць цесную сувязь з царкоўнымі традыцыямі святкавання Пасхі.

У старажытных часах Вялікдзень у бытавым жыцці беларусаў меў прыродаарыентаваны характар і разам з тым Вялікі дзень атаясамліваўся з сустрэчай Новага года па сонечнаму календару і святкаваўся ў дзень веснавога раўнадзенства, як зазначае В. Ліцвінка [4, с. 68]. Вялікдзень насычаны святочна-мастацкай культурай велічальнага, мажорнага, гімнічнага, жыццесцвярджальнага характару.

Падрыхтоўка да свята пачыналася, таксама як і ў літургічным цыкле, з Вялікага посту. Семантычным значэннем былі насычаны паставыя святы і іх атрыбутыка. Напрыклад, бытавая традыцыя Вербнай нядзелі галоўным чынам факсіруецца